

Лу всегда считал Шангуань Нин самой счастливой женщиной в мире, ведь она всегда была солнечной и общительной, нежной и дружелюбной по отношению ко всем. Она казалась аристократичной дамой, которая никогда не переживала никаких неудач. Она представляла себе Шангуань Нин как цветок, выросший в защищенной теплице.

Но это было не так.

Под нежной улыбкой ее сердце было полно дыр. На любого другого человека такой опыт оказал бы сильное влияние.

Но она не пострадала. Она по-прежнему любила жизнь и сохраняла доброе сердце и оптимизм.

Шаньгуань Жусюэ была ее сестрой и пыталась исказить правду, делая себя жертвой и пороча Шаньгуань Нин. Должно быть, в прошлом она тоже не раз поступала подобным образом. Судя по спокойному характеру Шангуань Нин, она уже не раз становилась жертвой.

Лу почувствовала, что пришло время проанализировать себя. Она болела только потому, что не была психологически сильной.

Шангуань Нин улыбнулась и повернулась к Лу, услышав ее слова. "Я привыкла к этому".

Она посмотрела на Шангуань Жусюэ, которая так старалась объяснить Чжао Анань. Затем она усмехнулась.

"Шангуань Жусюэ устраивает шоу уже почти двадцать лет. Она талантливая актриса, которая вначале одурачила и меня. Но потом я поняла, что она всегда притворялась. Ей нравится, когда ее превозносят как невинную и добросердечную леди, хотя на самом деле она коварная особа. Чаще всего ее попытки оказывались успешными".

После минутного молчания Лу вдруг сказал: "Вы слишком мягкосердечны. Убей ее немедленно. Ты не должна колебаться ни секунды".

Шангуань Нин покачала головой. "Убить человека не так-то просто. Она может умереть, но я тоже окажусь в тюрьме. Не стоит губить свою жизнь ради такой женщины, как она".

Для Лу человеческие жизни ничего не значили. Причина, по которой ей удалось избежать наказания после убийства стольких людей, заключалась лишь в том, что Семья Цзин прикрывала ее.

Конечно, Лу все равно бы убила без защиты Семьи Цзин. Ее не волновали ни чужие, ни собственные жизни. Ей было все равно, жива она или мертва. Она была одна, и никто не стал бы проливать слезы по ней, даже если бы она умерла. Таков был характер Лу.

Шангуань Жусюэ потратила почти все свои силы, чтобы убедить Чжао Аньян, но та все еще продолжала подозревать ее.

"...Ты действительно не любишь Нин? Тогда почему вы пытались убить ее вчера, вы и Танг Юнь? Я неправильно видела, или я неправильно помню?"

Чжао Аньян возилась с лезвием в руках, ее палец скользил по острому ножу, показывая зловещую улыбку.

Увидев ее угрожающее выражение лица, Шангуань Жусюэ так встревожилась, что вспотела. Ей

хотелось громко выругаться, но она лишь сохраняла невинный тон. "Анан, я говорю правду. Меня заставили, потому что... потому что я должна защитить своего ребенка. Я только что родила ребенка. Как я могу допустить, чтобы с ним что-то случилось?"

"О?" Чжао Анан заинтересовалась. Она перестала скользить лезвием по своему лицу.

"У тебя есть ребенок? Ты не похожа на ту, кто родила ребенка. Ты выглядишь такой стройной!"

"Да, да, да! Танг Юнь и Цзин Ёиран угрожали мне безопасностью моего ребенка. Они сказали, что если я не убью свою сестру, то они убьют моего ребенка".

"Глупости, Шангуань Жусюэ! Я даже не знаю, где находится твой ребенок. Как я могу угрожать тебе им?"

закричала Тан Юнь. Она испугалась, что Чжао Анань передумает и начнет колоть ее вместо нее.

"Не слушай ее, Анань, кто-то другой поддерживает ее сзади. Я не имею к этому никакого отношения. Со мной было много людей, потому что их прислал кто-то другой. Меня одурачила Шангуань Жусюэ, и я пошла с ней. Она говорит неправду".

Сидевшая недалеко от них Шангуань Нин вдруг почувствовала, что Чжао Анан достойна быть напарницей Чжэн Цзина. Она так хорошо вела допрос.

Танг Юнь и Шангуань Жусюэ начали обвинять друг друга во всем, выдавая друг другу информацию.

Но она не знала, что Шангуань Жу уже родила ребенка.

По ее расчетам, к этому времени должно было пройти всего семь месяцев беременности. Как ребенок мог появиться на свет так быстро? Не могла же она использовать окситоцин, чтобы извлечь ребенка до того, как он достаточно созрел?

Шангуань Нин немного подумала и решила, что, судя по ее характеру, она действительно могла так поступить. Она была жестока не только к другим, но и к себе!

Шангуань Жусюэ старалась причинить себе боль, чтобы все заподозрили ее сестру. Она даже прыгала в море, чтобы доказать свою невиновность. Спровоцировать преждевременные роды было для Шангуань Жусюэ пустяком.

Но если она действительно родила ребенка, то Се Жуоцзюнь стал отцом. Она не знала, знает ли Се Жужун, что женщина, о которой он так долго мечтал, совершила такой поступок.

Шангуань Нин хотела бы увидеть обиду на его лице, когда он узнает об этом. Но она уже не могла этого сделать, потому что не собиралась больше встречаться с Се Жуоцзюнем. Она полностью вычеркнула его из своей жизни.

Чжао Анань была очень довольна своей работой. Она даже не успела воспользоваться клинком, а эти две женщины уже начали выкладывать все.

Если бы ситуация продолжалась в том же духе, она бы победила.

Значит, кто-то помогал этим двум женщинам сзади. Кто это был? Она должна быть поймана и подвергнута пыткам.

Вчера она была напугана почти до смерти. Она лишилась бы жизни, если бы снова случилось что-то столь срочное и опасное.

Чжао Аньян подмигнула Шангуань Нин. Затем она придвинула стул и поставила его между двумя кроватями. Она села, свесив ноги. Она провела острым лезвием по лицу и спокойно спросила: "Кому из вас верить, если вы оба рассказываете разумную историю?"

Танг Юнь и Шангуань Жусюэ одновременно воскликнули: "Я!".

Шангуань Жусюэ с тревогой объяснила: "Меня точно заставили. Второй мастер сказал, что если я не буду сотрудничать, то мой ребенок умрет". Второй господин вчера отправил с нами людей. Я совершенно невиновна".

"Чушь, Шангуань Жусюэ! Половина из этих людей были твоими. Неужели ты думаешь, что только потому, что мертвецы не могут говорить, ты можешь заманить нас в ловушку? Мы можем вместе противостоять Цзин Иран".

Чжао Аньян, видя, что Тан Юнь волнуется, поднесла клинок к ушам и с улыбкой сказала: "Так-так-так, расскажи мне весь свой план от начала до конца. Если еще раз соврешь, я отрежу тебе одно ухо, и ты превратишься в урод. Хаха, а если твоя версия правдива, я отрежу ухо Шангуань Жусюэ, звучит честно?".

<http://tl.rulate.ru/book/35409/2083622>